

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-967-976

Антикоррупционное просвещение как фактор обеспечения социальной безопасности*

А.П. Вихрян¹, М.В. Федоров²

¹Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук
ул. Гарибальди, 21б, Москва, Россия, 117335

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
(e-mail: michalich2005@rambler.ru; fedorovrudn@mail.ru)

В статье рассмотрена актуальная научная проблема, имеющая выраженную практическую направленность и связанная с антикоррупционным просвещением молодежи, которое позиционируется авторами в качестве важного фактора обеспечения социальной (общественной) безопасности как неотъемлемой части национальной безопасности. Авторы определяют антикоррупционное просвещение как специфический вид деятельности органов власти и институтов гражданского общества, направленный на повышение осведомленности населения о негативно-социальной сути коррупции, правовом и социальном механизмах противодействия ей, а также формирование основ антикоррупционного мировоззрения в качестве элемента «социального иммунитета» граждан. В последнее время появилось множество публикаций по проблематике антикоррупционного просвещения, в том числе молодежи. Они затрагивают разные его аспекты, анализируют практические проблемы, связанные с его реализацией, выявляют его эффективность, показывают роль правоохранительных органов в антикоррупционном просвещении молодежи и т.п. Однако до сих пор представители научно-экспертного сообщества не рассматривали его под тем углом зрения, что представлен в статье. Авторы, являясь членами Межрегиональной общественной организации содействия реализации программ в области противодействия и борьбы с коррупцией «Национальный комитет общественного контроля», трактуют антикоррупционное просвещение как фактор обеспечения социальной безопасности, как важный инструмент профилактики радикализации сознания молодежи. Именно эта радикализация питает экстремизм и терроризм, которые выступают в качестве реальных угроз социальной безопасности. В статье содержатся конкретные рекомендации по развитию законодательной базы антикоррупционного просвещения. Авторы считают, что органам государственной власти и институтам гражданского общества следует более активно (и неформально) вовлекать в антикоррупционное просвещение молодежно-студенческое сообщество, продуманно и грамотно использовать научно-творческий потенциал молодежи.

Ключевые слова: антикоррупционное просвещение; молодежь; коррупция; социальная безопасность; институты гражданского общества; радикализация

Сегодня коррупция представляет собой поистине глобальную проблему. Возникнув одновременно с институтом государства, коррупция — в различных видах и формах — существовала во все эпохи и у всех народов. Ни одному обществу на протяжении ни одного исторического периода не удалось

* © Вихрян А.П., Федоров М.В., 2020

Статья поступила 01.06.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

избежать ее. Коррупции подвержены все формы управления, причем ее проявления варьируют от мелкого использования влияния для оказания услуг до институционального взяточничества, подчиняющего своим правилам все государство.

Несмотря на то, что в России базовый закон о противодействии коррупции был принят еще в декабре 2008 года, положив начало формированию полноценного антикоррупционного законодательства и Национальных планов противодействия коррупции (принимаются, как правило, на два года), коррупция остается для российского государства и общества серьезной проблемой. В пункте 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года, коррупция отнесена к основным угрозам государственной и общественной безопасности, а главная цель обеспечения социальной (общественной) безопасности — сохранение социально-политической стабильности [13. С. 5].

Государственная власть в последние годы прилагает значительные усилия в борьбе с коррупцией и экстремизмом, но вместо снижения уровня коррупции сохраняется тенденция ее роста, усиливается ее влияние на радикальные и экстремистские настроения. Причиной роста экстремизма, кроме безработицы, является и коррупция в органах власти [10. С. 41, 43]. На наш взгляд, в реалиях современной России нельзя не принимать во внимание серьезное воздействие коррупционных проявлений на поведение граждан, особенно молодежи. Выступая в качестве одного из ключевых факторов социальной аномии, коррупция подрывает основы общественной безопасности, которая является составной и неотъемлемой частью национальной безопасности.

Более того, коррупция как крайне негативный социально-политический феномен играет роль своеобразного «козыря» («неубиваемого» аргумента — «все куплено!»), которым пользуются представители экстремистских организаций в рекрутинге (вербовке) новых сторонников. В ходе «промывки мозгов» потенциальных «неофитов», как правило, при помощи новейших телекоммуникаций, создающих виртуальную реальность (социальных сетей), они делают упор на коррупцию, стремясь доказать молодому человеку, что у него нет никаких шансов стать успешным, подняться в социальном лифте в «насквозь коррумпированном» обществе. Тем самым новоявленные и подозрительно заботливые «учителя жизни» стараются привнести в неокрепшее сознание молодого человека ложные идеологемы экстремистской идеологии, концептуальный вектор которых обычно направлен на акцентирование «несовершенств окружающего мира», «социальной несправедливости» и т.п.

Таким образом, коррупция — один из концептов, активно эксплуатируемых в экстремистской деятельности («информационный экстремизм»). Коррупция наносит колоссальный морально-духовный ущерб представителям молодежи, которые в силу специфики психосоциального развития остро воспринимают социальную несправедливость и несовершенства окружающего мира, что служит исходным и существенным мотивационным моментом для

радикализации сознания молодых людей. Радикализация, в свою очередь, подпитывает экстремистское мировоззрение и крайние формы его проявления — терроризм. Оба социально-политических феномена представляют серьезные угрозы для социальной (общественной) безопасности [7. С. 74–78; 8. С. 60–82; 11], что нашло отражение в Концепции общественной безопасности 2013 года.

Одной из востребованных форм участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции является антикоррупционное просвещение, а также формирование основ антикоррупционного правосознания молодежи в русле государственной политики, направленной на усиление в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. На наш взгляд, сегодня антикоррупционное просвещение возведено в ранг государственной политики, о чем наглядно свидетельствует, в частности, распоряжение Правительства «Программа по антикоррупционному просвещению обучающихся на 2019 год», принятая 29 января 2019 года. В числе запланированных мероприятий: разработка Концепции антикоррупционного воспитания (формирования антикоррупционного мировоззрения у обучающихся) и плана ее реализации; проведение открытых уроков и классных часов с участием сотрудников правоохранительных органов; размещение на портале «Российская электронная школа» перечня фильмов антикоррупционной направленности; проведение специальных вебинаров для родителей. Однако следует отметить, что базовый Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года не содержит понятия «антикоррупционное просвещение», а также «антикоррупционное воспитание» и «антикоррупционная пропаганда».

Мы провели анализ антикоррупционного законодательства всех субъектов Российской Федерации, чтобы выявить в региональных антикоррупционных законах понятие «антикоррупционное просвещение» и его определения. Как показали результаты анализа, в 17 субъектах (20%) антикоррупционное законодательство содержит понятие «антикоррупционное просвещение»; из 85 субъектов только 10 (12%) имеют антикоррупционные законы, в которых зафиксировано определение этого понятия — Республики Алтай и Дагестан, Чувашская Республика, Архангельская, Белгородская, Брянская, Воронежская, Новосибирская, Омская область и Ненецкий автономный округ. В антикоррупционных законах Республики Карелия, Костромской и Ярославской областей не содержится определение антикоррупционного просвещения, но указано, в каких целях (формирование антикоррупционного мировоззрения, нетерпимости к коррупционному поведению, повышение уровня правосознания и правовой культуры) и посредством чего оно осуществляется (антикоррупционное образование и антикоррупционная пропаганда). В Законе «О регулировании отдельных вопросов противодействия коррупции в Рязанской области» понятие «антикоррупционная пропаганда» отождествляется с пропагандой; в Законе «О дополнительных мерах по противодействию коррупции в Санкт-Петербурге» антикоррупционное просвещение трактуется в

качестве обобщенного понятия, включающего в себя антикоррупционное образование, антикоррупционную пропаганду и информирование о противодействии коррупции. В тексте антикоррупционных законов Республики Бурятия и Свердловской области содержится только упоминание антикоррупционного просвещения. Зачастую вместо термина «антикоррупционное просвещение» применяются понятия «антикоррупционное образование» и «антикоррупционная пропаганда», хотя они не идентичны.

Представляется интересным уточнение базовых концептов-оснований, используемых региональным законодателем при конструировании того или иного определения. Например, в дефинициях антикоррупционного просвещения в антикоррупционных законах Чувашской Республики, Брянской, Воронежской, Новосибирской, Омской и Рязанской областей в качестве концепта-основания выступает понятие «деятельность», т.е. при формулировании законодательных определений был использован так называемый «деятельностный подход». В аналогичных дефинициях в антикоррупционном законодательстве Республики Алтай, Архангельской области и Ненецкого автономного округа базовым стало понятие «распространение» (знаний, информации). В антикоррупционных законах Республики Дагестан и Белгородской области роль основания играет понятие «процесс» (обучения и воспитания). Следовательно, контент-анализ определений понятия «антикоррупционное просвещение» в региональном законодательстве показывает отчетливую дифференциацию методических подходов, но в большинстве определений используется деятельностный подход.

В последнее время появилось значительное количество публикаций по проблематике антикоррупционного просвещения — они затрагивают разные аспекты этого специфического вида социальной деятельности [1]. Большинство авторов анализируют практические проблемы, связанные с реализацией антикоррупционного просвещения, выявляют его эффективность, показывают роль правоохранительных органов в антикоррупционном просвещении молодежи, анализируют зарубежный опыт и т.п. Некоторые исследователи рассматривают одновременно антикоррупционное просвещение и антикоррупционное воспитание [5. С. 47–53; 12. С. 188–190].

Следует подчеркнуть, что среди представителей научно-экспертного сообщества (как правило, юристов) доминирует точка зрения, согласно которой антикоррупционное просвещение носит правовой характер, например, представляет собой «систему распространения субъектами государственной политики противодействия коррупции достоверной информации любым способом, в любой форме с использованием любых коммуникативных средств в отношении неопределенного круга лиц, направленную на формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры» [6. С. 49]. На наш взгляд, это утверждение носит дискуссионный характер, поскольку, кроме юридической формулировки «в отношении неопределенного круга лиц»,

приведенное определение ничем не отличается от определений социологического или политологического плана. Более того, наличие в ней таких категорий, как мировоззрение, сознание, культура, в полной мере детерминирует отнесение данного определения к разряду философских, социокультурных или психологических.

Существует мнение, что антикоррупционное просвещение следует рассматривать в тесной связке с правовым просвещением — как «в широком плане процесс передачи информации юридического содержания» [3. С. 107]. На наш взгляд, трудно согласиться с этим тезисом, поскольку как раз «в широком плане» антикоррупционное просвещение целесообразно рассматривать шире, чем просто в качестве «процесса передачи информации юридического содержания». Чтобы добиться максимальной эффективности антикоррупционного просвещения, следует организовать системное и постоянное распространение знаний, имеющих междисциплинарный (мультидисциплинарный) характер. Ведь важны не только юридические знания из сферы антикоррупции (хотя никто не возражает против их приоритета), но и достоверные сведения, например, исторического плана, раскрывающие истоки коррупции. А разве не важны философские знания о сути коррупции как социального феномена? Почему мы должны отказываться от использования в антикоррупционном просвещении, прежде всего молодежи, политологических знаний или социологической информации (опросов на антикоррупционную тематику)? Более того, игнорирование того или иного пласта знаний может привести (и уже приводит) к искажению достоверной и целостной информационной панорамы, связанной с раскрытием природы коррупции. Например, потенциальный отказ от использования результатов исследований психологов не позволит создать достоверный обобщенный психологический портрет коррупционера и/или корруптера.

Кроме того, попытка придать тождественный характер понятиям «антикоррупционное просвещение» и «правовое просвещение» не оправдана и с научных позиций. В частности, в антикоррупционном законодательстве Калининградской, Калужской и Тульской областей содержится упоминание о правовом просвещении в контексте противодействия коррупции. Но в антикоррупционных законодательных актах понятие «правовое просвещение» применяется в самостоятельном значении и не увязано с антикоррупционным просвещением. По мнению ряда авторов, последнее представляет собой деятельность компетентных субъектов правоотношения (представителей органов государственной и муниципальной власти), направленную на антикоррупционное воспитание и образование при помощи соблюдения антикоррупционных стандартов поведения, формирования антикоррупционного мировоззрения и повышения общего уровня правосознания и правовой культуры граждан [9. С. 49].

В целом соглашаясь с такой трактовкой антикоррупционного просвещения, следует признать, что в нем отсутствует ряд важных составляющих. Во-первых, эта трактовка не отражает участие в указанной деятельности некоммерческих (общественных) организаций в качестве институтов гражданского

общества. Во-вторых, приведенное определение имеет в большей степени правовой характер: с одной стороны, это его достоинство; с другой — оно не «захватывает» такие существенные аспекты антикоррупционного просвещения, как формирование «социального иммунитета», профилактика радикализации сознания молодежи, которая, в свою очередь, является значимым фактором обеспечения социальной (общественной) безопасности.

По мнению Р.И. Васильева, «антикоррупционное просвещение — это просветительская деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений и граждан по передаче и распространению в обществе антикоррупционного мировоззрения и формированию у его субъектов соответствующего поведения, сознания и культурных ценностей» [2. С. 137]. Автор, будучи сторонником деятельностного подхода, тем не менее, делает акцент на формировании у субъектов антикоррупционного мировоззрения соответствующего поведения, сознания и культурных ценностей, т.е. использует и аксиологический (ценностный) подход.

На наш взгляд, значение антикоррупционного просвещения (прежде всего молодежи) вытекает также из необходимости профилактики радикализации сознания молодого поколения. Именно радикализация сознания на почве аномии, подобно невидимой радиации, способна стать реальным дестабилизирующим фактором и представлять серьезную угрозу социальной безопасности любого государства, независимости от уровня его политического и социально-экономического развития. Соответственно, целесообразно сформулировать следующее определение антикоррупционного просвещения: специфический вид социальной деятельности органов власти и институтов гражданского общества, направленный на повышение осведомленности населения о природе коррупции как негативного социального феномена, информирование о правовом и социальном механизмах противодействия ей и формирование основ антикоррупционного мировоззрения в качестве органичной части «социального иммунитета» граждан. Антикоррупционное просвещение молодежи — составная часть общего просвещения, поэтому для повышения эффективности антикоррупционного просвещения крайне важно активное и неформальное вовлечение в него молодежно-студенческого сообщества и продуманное использование его научно-творческого потенциала.

В завершение статьи сделаем несколько общих выводов и выскажем ряд рекомендаций по законодательному обеспечению антикоррупционного просвещения в России. Во-первых, сегодня антикоррупционное просвещение возведено в ранг государственной политики — реализуется правительственная «Программа по антикоррупционному просвещению обучающихся». С момента принятия Федерального закона «О противодействии коррупции» прошло более 11 лет и возникла настоятельная потребность в антикоррупционном просвещении, прежде всего молодежи. Кроме того, произошли определенные трансформации в общественном сознании, в частности, по отношению к

коррупции как негативному социальному явлению. Принимая во внимание эти обстоятельства, следует рекомендовать российскому законодателю внести соответствующие поправки в Федеральный закон «О противодействии коррупции», в частности, добавив в текст понятия «антикоррупционное просвещение», «антикоррупционное воспитание» и «антикоррупционная пропаганда» с соответствующими определениями.

Во-вторых, как показал анализ действующего антикоррупционного законодательства, только пятая часть регионального законодательства содержит понятие «антикоррупционное просвещение» и только 12% субъектов имеют антикоррупционные законы, в которых зафиксированы определения данного понятия. Следует рекомендовать региональному законодателю также внести поправки в региональные антикоррупционные законы, интегрировав в них понятие «антикоррупционное просвещение» с определением (если они отсутствуют).

В-третьих, контент-анализ трактовок антикоррупционного просвещения в региональном законодательстве показал дифференцированные методические подходы к его определению, хотя в большинстве случаев используется деятельностный подход. Иными словами, региональный законодатель корректно трактует это понятие в качестве одного из видов социальной деятельности.

В-четвертых, несмотря на то, что проблематика антикоррупционного просвещения вызывает повышенный интерес российских авторов, как правило, она не рассматривается в контексте обеспечения социальной безопасности.

В-пятых, нельзя забывать о взаимосвязи противодействия коррупции и обеспечения социальной безопасности, поскольку коррупция — одна из существенных предпосылок аномии, прежде всего, у молодежи. В свою очередь, аномия порождает радикализацию сознания молодежи, а радикализация — живительная подпитка радикализма, экстремизма и терроризма. В схематичном виде рассматриваемую взаимосвязь можно представить так: коррупция — аномия — радикализация — экстремизм/терроризм.

В-шестых, в заданном контексте следует еще раз обратить внимание научно-экспертного сообщества, органов власти, институтов гражданского общества и широкой общественности на исключительную пагубность коррупции, отравляющей сознание молодежи. Каждый человек должен осознать, что коррупция — это не просто латентное преступление (передача банальной взятки через посредников, пресловутые «откаты» и т.п.), не только сухие цифры безрадостной статистики коррупционных проявлений в масштабах страны, а источник социальных конфликтов и нестабильности. По этой же причине представляется недостаточной правовая трактовка антикоррупционного просвещения — оно требует междисциплинарного подхода.

Библиографический список

- [1] Актуальные проблемы антикоррупционного просвещения и антикоррупционного образования. Красноярск, 2018.
- [2] *Васильев Р.И.* Анализ дефиниции «антикоррупционное просвещение» в законодательных актах субъектов Сибирского федерального округа // Развитие территорий. 2016. № 3–4.

- [3] *Воронцов С.А.* Об организации антикоррупционного просвещения в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 1.
- [4] *Волосова Н.Ю.* Молодежные программы противодействия коррупции и создание информационной антикоррупционной среды: некоторые размышления и опыт // Педагогический журнал. 2016. № 4.
- [5] *Землин А.И.* О новациях и деформациях антикоррупционного просвещения и воспитания в современной России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. 2014. № 2.
- [6] *Кабанов П.А.* Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4.
- [7] *Кашиник О.И., Брызгалова А.А.* Теоретические аспекты социальной безопасности // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 4.
- [8] *Колотова Н.В.* Социальная безопасность как элемент национальной стратегии // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 1.
- [9] *Мхитарян Т.Г., Тюрина А.В.* Антикоррупционное просвещение: понятие и содержание // Научные разработки: евразийский регион. М., 2018.
- [10] *Павлинов А.В.* Коррупция и экстремизм в Российской Федерации: общность детерминации и проблемы повышения эффективности противодействия // Криминологический журнал БГУЭП. 2011. № 2.
- [11] *Румачик И.А.* Социальная безопасность современной России: вызовы и угрозы. Пятигорск, 2017.
- [12] *Стукало О.Г., Терехина А.В., Горбатова И.П.* Антикоррупционное просвещение и воспитание обучающихся // Противодействие коррупции: правовое обеспечение, основные аспекты и антикоррупционные стандарты поведения в научных и образовательных организациях. Саратов, 2018.
- [13] *Цыганов В.В., Шульц В.Л.* Социология общественной безопасности: теория и высокие гуманитарные технологии общественной безопасности при изменениях и пределах роста. М., 2014.
- [14] *Шиврина Т.Б., Жукова Ю.С.* Проблемы антикоррупционного просвещения и воспитания в высших учебных заведениях // Дневник науки. 2019. № 10.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-967-976

Anti-corruption education as a factor of social security*

A.P. Vikhryan¹, M.V. Fedorov²

¹Center for Security Studies of the RAS
Garibaldi St., 21b, Moscow, Russia, 117335

²RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198
(e-mail: michalich2005@rambler.ru; fedorovrudn@mail.ru)

Abstract. The article considers an urgent scientific issue with a clear practical orientation and related to the anti-corruption education of the youth, which is defined as an important factor of social (public) security as an integral part of national security. The authors define anti-corruption education as a specific type of social activity of the authorities and civil society institutions, which aims at raising

* © A.P. Vikhryan, M.V. Fedorov, 2020

The article was submitted on 01.06.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

public awareness of the nature of corruption as a negative social phenomenon, of legal and social mechanisms to combat it, and at developing the anti-corruption worldview as an element of ‘social immunity’. There is a significant number of publications on the anti-corruption education, especially of the youth. They consider various aspects of this type of social activity, analyze its implementation, assess its efficiency, show the role of law enforcement agencies in the anti-corruption education of the youth, etc. However, representatives of the scientific-expert community have not yet considered the anti-corruption education in the perspective that the authors suggest. The authors, as members of the National Committee for Public Control, an interregional public organization promoting the implementation of anti-corruption programs, interpret anti-corruption education as a serious factor of social security, as an important tool for preventing radicalization of the youth consciousness. It is the radicalization that nourishes extremism and terrorism which are real threats to social (public) security. The article provides some recommendations for developing legislation of anti-corruption education. The authors believe that public authorities and civil society institutions should more actively (and not formally) involve the student youth in anti-corruption education and use the scientific-creative potential of the younger generation.

Key words: anti-corruption education; youth; corruption; social security; civil society institutions; radicalization

References

- [1] *Aktualnye problemy antikorrupsionnogo prosveshcheniya i antikorrupsionnogo obrazovaniya* [Actual Issues of Anti-Corruption Education]. Krasnoyarsk; 2018 (In Russ.).
- [2] Vasiliev R.I. Analiz definitsii “antikorrupsionnoe prosveshchenie” v zakonodatelnykh aktakh sub’ektov Sibirskogo federalnogo okruga [Analysis of the ‘anti-corruption education’ definition in the legislation of the subjects of the Siberian Federal District]. *Razvitie Territorij*. 2016; 3–4 (In Russ.).
- [3] Vorontsov S.A. Ob organizatsii antikorrupsionnogo prosveshcheniya v Rossijskoj Federatsii [Organization of anti-corruption education in the Russian Federation]. *Severo-Kavkazskiy Yuridicheskiy Vestnik*. 2015; 1 (In Russ.).
- [4] Volosova N.Yu. Molodezhnye programmy protivodejstviya korruptsii i sozdanie informatsionnoj antikorrupsionnoj sredy: nekotorye razmyshleniya i opyt [Youth anti-corruption programs and the information anti-corruption environment: Some reflections and experience]. *Pedagogicheskiy Zhurnal*. 2016; 4 (In Russ.).
- [5] Zemlin A.I. O novatsiyah i deformatsiyah antikorrupsionnogo prosveshcheniya i vospitaniya v sovremennoj Rossii [Innovations and deformations of anti-corruption education in contemporary Russia]. *Protivodejstvie Terrorizmu. Problemy XXI Veka*. 2014; 2 (In Russ.).
- [6] Kabanov P.A. Antikorrupsionnoe prosveshchenie kak sredstvo protivodejstviya korruptsii: ponyatie i sodержanie [Anti-corruption education as a means of countering corruption: Concept and content]. *Aktualnye Problemy Ekonomiki i Prava*. 2014; 4 (In Russ.).
- [7] Kashnik O.I., Bryzgalina A.A. Teoreticheskie aspekty socialnoj bezopasnosti [Theoretical aspects of social security]. *Innovatsionnye Proekty i Programmy v Obrazovanii*. 2014; 4 (In Russ.).
- [8] Kolotova N.V. Socialnaya bezopasnost kak element natsionalnoj strategii [Social security as an element of national strategy]. *Trudy Instituta Gosudarstva i Prava RAS*. 2013; 1 (In Russ.).
- [9] Mkhitaryan T.G., Tyurina A.V. Antikorrupsionnoe prosveshchenie: ponyatie i sodержanie [Anti-corruption education: Concept and content]. *Nauchnye razrabotki: evrazijskiy region*. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [10] Pavlinov A.V. Korruptsiya i ekstremizm v Rossijskoj Federatsii: obshchnost determinatsii i problemy povysheniya effektivnosti protivodejstviya [Corruption and extremism in the Russian Federation: Common determination and ways to increase the efficiency of counteraction]. *Kriminologicheskiy Zhurnal BGUEP*. 2011; 2 (In Russ.).
- [11] Rumachik I.A. *Socialnaya bezopasnost sovremennoj Rossii: vyzovy i ugrozy* [Social Security of Contemporary Russia: Challenges and Threats]. Pyatigorsk; 2017 (In Russ.).

- [12] Stukalo O.G., Teryokhina A.V., Gorbatova I.P. Antikorrupsionnoe prosveshchenie i vospitanie obuchayushchihsya [Anti-corruption education of students]. *Protivodejstvie korrupszii: pravovoe obespechenie, osnovnye aspekty i antikorrupsionnye standarty povedeniya v nauchnyh i obrazovatelnyh organizatsiyah*. Saratov; 2018 (In Russ.).
- [13] Tsyganov V.V., Shults V.L. *Sociologiya obshchestvennoj bezopasnosti: teoriya i vysokie gumanitarnye tekhnologii obshchestvennoj bezopasnosti pri izmeneniyah i predelah rosta* [Sociology of Public Security: Theory and High Humanitarian Technologies of Public Security under Changes and Growth Limits]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [14] Shivrina T.B., Zhukova Yu.S. Problemy antikorrupsionnogo prosveshcheniya i vospitaniya v vysshih uchebnyh zavedeniyah [Issues of anti-corruption education in the higher education]. *Dnevnik Nauki*. 2019; 10 (In Russ.).